

ГЛАВА II

ГОСПОДСТВО РАННЕГО УМЕРЕННОГО АВТОРИТАРНОГО ИДЕАЛА («Военный коммунизм»)

САМООТРИЦАНИЕ ЛОКАЛИЗМА

Казалось, невозможно себе представить силу, которая могла бы остановить, повернуть назад движение к торжеству локализма. Однако постепенно сам этот процесс обнаружил внутреннее самоотрицание. Разочарование в существующем порядке, который приводил к бесконечным столкновениям множества монологов, несло в себе возможность поворота общества к единому монологу, т. е. к авторитаризму. Распад страны в условиях господства соборного идеала стимулировал рост массового согласия на сильную центральную власть.

Оттесненный на задний план авторитаризм мог превратиться в господствующую силу, в организацию авторитарного государства лишь при условии, что в самих локальных мирах возникнет ярко выраженное стремление приобщиться к высшей власти. Это могло быть результатом массового дискомфорта в низах, стремления найти защиту в высшей власти. Движущей силой этого процесса была возрастающая дезорганизация, в основе которой лежал раскол почвы, возникший еще в прошлом глобальном периоде. Люди, воодушевленные идеей создания царства Божьего на земле, пытались преодолеть все формы раскола, включая и раскол почвы. Это неизбежно привело к столкновению в самой почве, прежде всего между частью народа, склонного к последовательной уравнительности, и меньшинством, склонным к утилитаризму выше общепринятого уровня, в особенности к развитому утилитаризму, основанному на осознании связи между собственными усилиями и результатами труда.

Идущая к локализму инверсионная волна, начавшаяся в XVIII веке, охватывала всех крестьян. Однако в конечном

итоге в крестьянстве не могли не выявиться внутренние различия. Наиболее архаичная часть, склонная к максимальной натурализации, уравнительности, шла к локализму до максимально возможной степени, тогда как крестьяне, склонные к утилитаризму, в особенности в его развитых формах, не могли идти по этому пути слишком далеко. Они нуждались в рынке, в связях хозяйственного характера, в городе. Это различие внутри почвы дало новой власти блестящий шанс получать социальную энергию, возглавив борьбу почвенного большинства против меньшинства, которое рассматривалось как воплощение зла, как последний его недобитый отряд. Власть, слившаяся с большинством, тем самым могла черпать из него, казалось бы, бесконечную поддержку, социальную энергию. В этом нельзя было сомневаться, так как именно идеалы уравнительности неизбежно требуют авторитаризма, внешней силы, способной «всех равнять».

Никакая власть не обладала способностью повернуть гигантскую инверсионную волну. Однако власть могла ею воспользоваться, оседлать ее, дать ей определенную интерпретацию, такую интерпретацию, которая позволяет использовать инверсию для формирования государства, для решения медиационной задачи. Псевдосинкретизм методологически оказался достаточно гибким для решения этой задачи. Он позволил по видимости в рамках одной и той же идеологии, принципа, именуемого демократическим централизмом, перейти от соборного идеала к авторитарному. Эта нравственная инверсия неотделима от качественного сдвига в самой синкретической государственности, т. е. от перемещения центра тяжести власти с уровней локальных миров, миров среднего уровня к высшей власти, что приводило к борьбе между собой разных версий интеграции общества. Ленин остро почувствовал назревание этого перехода. Тяготая к синкретизму, он не усматривал противоречия между соборным и авторитарным идеалами. Отождествление обоих идеалов, неспособность или нежелание понимать дуальность идеала при одновременных попытках использовать это различие для тайного манипулирования переходами между идеалами и составляет важный аспект псевдосинкретизма. Игнорирование различий между этими идеалами открывает возможность для утверждений, что «решительно никакого принципиального противоречия между советским (т. е. социалистическим) демократизмом и применением диктаторской власти отдельных лиц нет»¹. Здесь со всей отчетливостью высказана идея синкретической неразличимости собор-

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36- С. 199.

ности и авторитаризма. Эта идея, если акцентировать внимание не на словах, а на сути, вполне в духе славянофилов. А. Солженицын писал: «Прежние государи искали творить не свою волю, но выражать соборную совесть народа»². Многочисленные критики ленинизма прошли мимо этого фундаментального взаимоперехода, взаимопроникновения в массовом сознании авторитарного и соборного идеалов, амбивалентности идеалов. *Руководствуясь идеей тождества спонтанного народного самоуправления и авторитарной власти, Ленин мыслил и действовал в соответствии с древним почвенным синкретизмом, который, естественно, к этому времени уже давно потерял свой непосредственно синкретический характер, но оставался некоторым идеалом. Пытаясь быть понятным народу, Ленин неизбежно тяготел к его ценностям, стремясь учесть в идеологии массовое желание усилить общинное начало, распространить его на все общество. Ленин выступал как руководитель чисто архаического движения, возбужденного массового стремления к древним формам жизни. Однако для него, для партии эта архаика была не самоценностью, а навязанным средством, которое можно было попытаться использовать для модернизации, для укрепления государства.*

ОБЩИННЫЙ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОЦИАЛИЗМ

Ленин пытался отождествить по сути две разнородные, вступающие друг с другом в конфликт расколотые части общества, два расколотых пласта культуры. Он старался связать общинное движение с движением государственного производства, основанного на государственной собственности, что также было мощной традицией, унаследованной от прошлого. Соединяя общинное, соборное начало и государственное, Ленин, по сути дела, отождествлял идеи общинного социализма, т. е. социализма безгосударственной жизни множества крестьянских сообществ, и государственный социализм, где эти же люди добровольно соглашались на авторитарную государственную власть, обеспечивающую защиту всеобщей уравнительности. Ленин выступил как человек, искренне верящий в реальный синкретизм такого тождества.

Однако такое тождество для современного сознания в отличие от древнего не было задано как естественное, но стало некоторой задачей, требующей воплощения. Эту задачу должен был решать рабочий класс, который в идеологии играет роль трикстера, медиатора, соединяющего распадающиеся эле-

² Солженицын А. И. Собр. соч. Париж, 1983. Т. 13. С. 34.

менты целого, и, следовательно, в известном смысле является носителем государственного и одновременно общинного социализма. Псевдосинкретизм в отличие от синкретизма переносил центр тяжести на социальные институты, социальные группы, способные обеспечить это тождество. В государстве рабочих, как назвало себя общество после 1917 года, наука не заинтересовалась тем, что в старой России постепенно складывалось массовое артельное движение, где работники объединялись между собой для эффективной производственной деятельности, экстраполируя на свою работу древние общинные принципы. В 80-90-х годах прошлого века существовало бесчисленное количество артелей: рыболовецких, охотничьих, торговых, строительных, крючников, точильщиков, маляров, лодочников, брошюровочных и переплетных, старательских, ловли дров на реках, биндюжников, гребцов, полотеров, пильщиков и т. д. Этот список можно было бы значительно расширить. Известны случаи, хотя и немногочисленные, когда еще во времена крепостного права производственная артель рабочих «с полным успехом вела» «сложное фабричное дело» в результате договора с владельцем за «цены с выработанного продукта»³. Любопытно, что иногда эти артели выступали как владельцы предприятий. Например, в Царевококшайском уезде Казанской губернии из 300 заводов смолокурения только 20 имело по одному хозяину, тогда как на остальных заводах работали артельщики от 2 до 13 человек⁴.

Следовательно, в стране шел определенный процесс овладения общинными формами многочисленных умножающихся специализированных форм деятельности. Он, естественно, давал определенные основания для отождествления рабочих и крестьян как субъектов общинных форм жизни и столкновения самоуправления как основы общинного социализма со всеми вытекающими последствиями. Это давало основание включать их в общую концепцию синкретического социализма.

Существование этих артелей, охватывавших несельскохозяйственные формы производства, дает основание для предположения, что при благоприятных условиях и неограниченности исторического времени эти формы могли овладевать все более сложными производствами и в конечном итоге создать некоторое самобытное общество, сочетающее реальное экономическое развитие с общинными формами, чему дает пример Япония. Однако против этой гипотезы можно выдвинуть ряд

³ Туган-Барановского крепостная фабрика// Великая реформа. М., 1911. Т. 3. С. 149.

⁴ Смолокурение в Царевококшайском уезде// Волжско-Камское слово. 1882. №51, 52.

возражений. Прежде всего, развитие все более сложных напряженных форм труда могло все больше входить в противоречие с консерватизмом общинных форм. Кроме того, эти артели вряд ли могли выдержать реальную конкуренцию с индивидуальной инициативой, выстоять в конкуренции с монопольным государственным производством. Поражение артелей было бы одновременно поражением почвенных сил, которые пытались распространиться и на город, овладеть новыми формами труда. Скопление рабочих на крупных предприятиях позволило Ленину рассматривать их как представителей государственного социализма, сохранивших, однако, общинную способность к самоуправлению.

Псевдосинкретизм накладывает вето на возможность видеть здесь противоречие, раскол. Но лежащая в основе псевдосинкретизма идея единства общинного и государственного социализма не могла не подвергаться испытаниям при каждом повороте массовых нравственных процессов. На втором этапе советской государственности, в условиях массового стремления избежать анархии, прибегая к помощи высшей власти, Ленин пытался перестроить мозаику псевдосинкретизма. *Теперь на первый план выдвигалась уже не идея массового творчества низов, соборность, а согласие миллионов на авторитаризм, т. е. господство основного заблуждения интеллигенции инверсионным образом сменилось господством основного заблуждения массового сознания — веры в начальство, которое все может.* Происшедшее было попыткой преодолеть социокультурное противоречие между социальными отношениями соборного типа, охватившими все общество, и массовыми ценностями сохранения стабильности и порядка, между социальными отношениями локалистского типа и отношениями, олицетворяющими этот порядок, между локалистскими субкультурами и ценностями общества в целом. Этот поворот был более четким, более последовательным и одновременно *модифицированным повторением поворота от господства соборного идеала к раннему умеренному авторитаризму первого глобального периода, т. е. перехода от Киевской Руси к Московскому государству.* Тогда первое лицо не управляло как абсолютный властитель. Царь управлял совместно с боярами, что могло рассматриваться как коллегиальный авторитаризм.

Массовый поворот к авторитаризму, который соответствующим образом интерпретировался правящей элитой, был вызван мощным ростом дискомфортного состояния, связанным с гражданской войной. Попытки управлять атомизированными предприятиями, регионами полностью обанкротились. «Прошло еще несколько месяцев, пока руководители рабочих организа-

ций на местах убедились в большей целесообразности и правильности» противоположного порядка, т. е. административно-авторитарного. Аналогичный поворот имел место в деревне. Ю. Ларин изображает этот процесс как выход власти «из-под сапога деревенского кулака. ...Тот натуральный налог, провести который мы были бессильны в прошлом декабре, теперь принимается в ЦИК единогласно»⁵. Рост конфликтной ситуации в стране, невозможность спокойно жить в локальных мирах крайне осложняли ситуацию. Передел земли уменьшил производство хлеба. «Крупные земледельческие хозяйства, дававшие высокие урожаи, представляющие собою большую ценность, снабжавшие рынок большим количеством продуктов, были „разорваны на части“, были уничтожены»⁶. Следовательно, укрепились формы земледелия, которые еще недавно специалисты называли первобытными⁷.

Эта проблема не является изолированной, она связана с недоразвитостью экономических отношений. «Рынка нет, так как при существующих условиях сельское хозяйство в такой степени бездоходно, что не может служить для надежного помещения капиталов»⁸. Бедные натуральные хозяйства не ставили своей задачей следовать за растущими потребностями общества, не отличались склонностью к развитию, результатом чего и было уменьшение товарного хлеба. Деревня всегда, когда не было прямого и настойчивого изъятия натурального продукта, на кризис в обществе отвечала замыканием в себе, отказом от фактически даровой передачи продуктов своего труда городу, государству. Это было во времена упадка раннего идеала всеобщего согласия первого периода, когда крестьяне прекратили подвоз в город продовольствия, сена, дров, за которые им пытались платить медью вместо серебра. Это имело место и во время первой мировой войны, когда выяснилось, что деньги не нужны, так как за них ничего не купишь.

⁵ Ларин Ю. У колыбели// Народное хозяйство. 1918. № 11. С. 21, 22.

⁶ Книпович Б. Н. Очерк деятельности Народного Комиссариата Земледелия за три года (1917-1920). М., 1920. С. 9.

⁷ См.: Кауфман А. А. Аграрный вопрос в России. М., 1919. С. 246; Качоровский К. Народное право. М., 1906. С. 17. В 50-х годах прошлого века управляющий Орловской палатой пишет о «почти первобытном» состоянии (см.: Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М., 1958. Т. 2. С. 360). А. Кизевсттер пишет о «первобытном складе» общества до эпохи Великих реформ {Кизевсттер А. А. История России в XIX веке. М., 1916. Ч. 2. С. 49). М. Покровский говорил о крестьянских хозяйствах 1913 года как о хозяйствах «средневекового, докапиталистического типа» (Покровский М. И. Русская история в самом сжатом очерке. М., 1932. С. 248).

⁸ Свод трудов местных комитетов по 49 губерниям Европейской России: Дежневое обращение/ Составитель Никифоров Д. И. СПб., 1903. С. 24.

«На вопрос: отчего не продаете? — один ответ: сами едим, ребятам нужно»⁹. Раньше ведь недопотребляли, чтобы продать, иметь деньги, чтобы заплатить в казну, а также на водку, которая теперь была запрещена. Эти эфемерные подпорки рынка в условиях разрухи рухнули, что означало резкое обострение раскола, рост конфликтов в каждой точке общества, создавало условия для гражданской войны.

В этой ситуации крестьянство, стремясь сохранить уравнительное распределение земли и боясь возврата частной собственности, поддерживало новую власть, что практически обеспечивало согласие на авторитаризм. Это не означало, что массовое недовольство властью исчезло. Но оно могло иметь решающее значение лишь тогда, когда несло в себе реальную альтернативу, возможность хотя бы на ограниченное время решить медиационную задачу. Недовольство проявлялось в стремлении к общему порядку, «к тишине и покою», в попытке покончить с произволом власти на местах в пользу центрального руководства, нового харизматического вождя — Ленина, который возглавил борьбу с кривдой собственников, «кадетов». Переход к авторитаризму не привел, как это было в прошлом глобальном периоде в Киевской Руси, к краху государственности. Не последнюю роль в этом, очевидно, сыграла гибкость псевдосинкретизма, который оказался идеологически и организационно подготовлен к такой возможности.

«СТИХИЯ — САМЫЙ ОПАСНЫЙ ВРАГ ПРОЛЕТАРСКОЙ ДИКТАТУРЫ»

Ленин стремился найти выход из безбрежного хаоса не в авторитаризме, а в централизации, но в России это было практически одно и то же. Он писал: «Наш первый лозунг — централизация»¹⁰. Идея организации была у него основной. «Для социализма главная трудность состоит в обеспечении дисциплины труда»¹¹. Признание состояния дисциплины труда главной трудностью социализма было скрытым признанием краха идеи спонтанного стремления масс к новым, более совершенным формам жизни. Непосредственным результатом установления советской власти оказался не столько рост творческих сил, сколько сигнал «жидкому элементу» игнорировать организованные центры власти.

⁹ Шестов Л. Что такое русский большевизм?// Странник: Литература, искусство, политика. 1991. № 1. С. 54.

¹⁰ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 30. С. 410.

¹¹ Там же. Т. 36. С. 261.

Ленин, преодолевая утопическую веру во всеспасительный подъем массового народного творчества, вступил в ожесточенную борьбу с хаосом, с «мелкобуржуазной стихией», по его терминологии, т. е. с реальным творчеством, с отсутствием осознания связи части и целого, «народнохозяйственной и политической связи голода и безработицы с распущенностью всех и каждого в деле организации и дисциплины»¹². Отчетливо сознавая всю губительность нарастающего хаоса, Ленин в апреле 1921 года писал: «Победа над беспорядком, разрухой, расхлябанностью важнее всего, ибо продолжение мелкобуржуазной анархии есть самая большая, самая грозная опасность, которая погубит нас (если мы не победим ее) безусловно»¹³. Стихия «не раз в течение революции показывала себя как самый опасный враг пролетарской диктатуры»¹⁴.

Жесткость древних сообществ и социальных отношений, а также стремление власти бороться с «жидким элементом», с «мелкобуржуазной стихией» на фоне усиливающегося влияния в обществе машинного фетишизма толкали Ленина к истолкованию авторитаризма как машинного. Он писал: «Центральным пунктом всей нашей революционной преобразовательной деятельности является» установление «строжайшей ответственности за исполнительские функции и безусловно трудовое дисциплинированное добровольное исполнение предписаний и распоряжений, необходимых для того, чтобы хозяйственный механизм работал действительно так, как работают часы»¹⁵. Ленин писал о невозможности дальнейшего существования «без планомерной государственной организации, подчиняющей десятки миллионов людей строжайшему соблюдению единой нормы в деле производства и распределения продуктов»¹⁶. Он полагал, что это делает необходимым единство воли руководства, что может быть воплощено лишь в принципе единоначалия, «единоличной диктаторской власти»¹⁷. Идея диктатуры единоначалия была связана с общей оценкой власти как диктатуры пролетариата, что было переводом на понятный партии язык представления об авторитаризме. Революция, по Ленину, требует беспрекословного повиновения масс единой воле руководителей трудового процесса. Организации «не могут функционировать правильно, если нет единства воли, связывающего всю наличность трудящихся в один хозяйственный

¹² Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 36. С. 197-198.

¹³ Там же. Т. 43. С. 209-210.

¹⁴ Там же. С. 32.

¹⁵ Там же. Т. 36 (курсив мой.— А. А.).

¹⁶ Там же. Т. 43.

¹⁷ Там же. Т. 36. С. 20.

орган, работающий с правильностью часового механизма. Социализм порожден крупной машинной индустрией»¹⁸. В сущности, стремление к авторитаризму было обусловлено необходимостью сконцентрировать в руках центра все то позитивное в организационном отношении, что делалось на местах. «Попытки добыть хлеба или топлива в розницу „себе“, т. е. „своему“ заводу, „своему“ предприятию, только усиливают дезорганизацию, только облегчают спекулянтам их корыстное, грязное и темное дело»¹⁹. Ленин стремился убедить общество, что все, что оно делает, надо централизовать, передать в руки центрального правительства. Он действовал как отец большой семьи, который утверждает свою власть над многочисленными детьми, пытающимися промышлять единолично и мешающими друг другу.

Возникло общество, где наряду с традиционным страхом перед властью, ненавистью к ней усилилось языческое преклонение перед первым лицом, возник культ Ленина. Он появился совершенно независимо от того, как к этому относился сам Ленин. Этот тотемический культ был необходим для завершения представления о власти как воплощении высшей Правды, интеграторе высшей мудрости космоса и высшей мудрости человека — организатора и творца, причем он вполне мог сочетаться с потерей большевиками своего влияния. (В прошлом преклонение перед царем могло сочетаться с ненавистью к его слугам.) Об этом свидетельствовал, например, результат выборов в советы весной 1918 года. Культ первого лица автоматически требует мифологической идеологии, которая всегда имеет дело с идолом-субъектом, с божеством. В новой идеологии в неразличимое единство слились архаичные представления и модернизаторские идеи, ориентированные на машину, т. е. это был абсурдный симбиоз локалистского синкретизма и машинного фетишизма.

Однако реальное формирование авторитарной государственности даже при наличии соответствующей инверсии могло иметь место лишь при определенных условиях. Нужны были кадры, способные взвалить на себя тяжелое бремя. Новая правящая элита вышла из немногочисленной партийной элиты, прошедшей школу организационной работы. Власть пыталась использовать остатки старых кадров чиновников. Новая правящая элита стала фактически преемницей слоя организаторов и строителей государственности старой России. В своей организационной деятельности она использовала опыт западной культуры. Здесь собрались люди, обладавшие исключительны-

¹⁸ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 36. С. 157.

¹⁹ Там же. С. 361.

ми организаторскими способностями. Их было немного, но они подчас совершали чудеса. Ленин, например, говорил о Троцком: «Указали бы другого человека, который способен в год образовать образцовую армию, да еще завоевать уважение военных специалистов. У нас такой человек есть»²⁰. Эти чудеса организации были возможны лишь в условиях значительного энтузиазма, охватившего слой полуобразованных, просто грамотных, еле грамотных людей, которые готовы были идти на жертвы ради революции.

Партия укрепляла организацию в принципе тем же методом, который применяла и до захвата власти. Она буквально гонялась за каждым способным к организационной работе человеком. Партия вновь обращается к человеку с улицы, забрасывая в массы тесты-идеи, пытаясь проверить их приживаемость, обкатать их, с тем чтобы сформулировать идеологический компромисс для мобилизации на его основе организационной энергии. Например, большевистская газета рекомендовала всем демобилизованным заходить в комитеты большевиков. «Из комитета ты получишь указание, как вести в деревне большевистскую, народную работу... Познакомишься, как устроена и работает Красная Гвардия и как она защищает интересы рабочих и крестьян, знают ли крестьяне декреты советского правительства о мире и о земле... Заприметишь, какие есть в деревне крестьяне посмекалистее, побойчее. Конечно, ищи таких людей среди деревенских бедняков, таких же, как ты сам, среди бобылей да батраков... Как нашел таких, собери их в кучу да разъясни им все подробнее: про землю, про теперешнюю победу рабочих, солдат и крестьян, про новую советскую власть... И расскажи, что знаешь про большевистскую партию, как эта партия крепко за народ стоит...» Солдатам и матросам рекомендовалось созвать деревенский сход, «чтобы на всех выборных должностях состояли бедняки и кулаков нужно гнать вон»²¹.

Солдаты и матросы — люди бывалые и, очевидно, скорее, чем крестьяне, были способны усвоить некоторые общие идеи, конкретную интерпретацию правящей элитой ведущей инверсии, манихейского миропонимания, включающего и стремление соединить крестьянство с партией. Все это делалось в рамках древней дуальной оппозиции добра и зла, в которой теперь добро отождествлялось с единством народа и партии, а зло — с кулаками, буржуазией и т. д. Именно такой подход обеспечивал взаимопонимание с рядовым человеком.

²⁰ См.: Горький М. Владимир Ленин// Русский современник. 1924. Кн. 1. С. 243.

²¹ Солдатская правда. 1917. № 103. 3 дек.

ЛОКАЛЬНЫЙ МИР И ГОСУДАРСТВО

В принципе авторитарная власть в том виде, в котором она существовала в древних синкретических формах и в условиях того, что по Марксу иногда называют азиатским способом производства, опиралась на местные локальные патриархальные сообщества, общины. Эта власть была фактически формой их государственного существования. В России авторитаризм имел аналогичную природу. Однако *попытки модернизации и раскол в обществе толкали государственность к доведению авторитаризма до вторжения в общины, в локальные миры, до попыток изменить сложившийся там естественный порядок. Эти тенденции свидетельствуют о перерастании авторитаризма в тоталитаризм.* На рассматриваемом этапе была сделана такого рода попытка.

Деятельность сельских советов вызывала все большее недовольство высшей власти. 11 июля 1918 года были учреждены «комитеты бедноты», которые реально были второй системой власти. Тем самым была расширена система двоевластия. Это был весьма опасный шаг, так как *власть вторгалась туда, где она в конечном итоге всегда проигрывала, — в локальный мир, обладающий исключительной сопротивляемостью внешнему давлению.* Советы при этом изображались как кулацкие, как воплощение зла. Бедняки привлекались в комбеды соучастием в экспроприации деревенских богачей. *Комбеды, созданные в деревне, оказались организационной формой войны бедных против богатых, т. е. проявлением древнего разрушительного антагонизма внутри почвы.* Советы были уничтожены, и власть фактически перешла к комбедам, которые затем были переименованы в советы. Эта вылазка тоталитаризма, однако, не привела к его победе. Сельские миры в конечном итоге продолжали противостоять государственности в своих повседневных делах.

История вновь решала спор, который некогда разгорелся среди творцов крестьянской реформы, — передавать или нет местную власть крестьянским мирам. Реформаторы 1860-х годов не решились на такую передачу. Теперь, после того как советы в деревне стали фактически воплощением власти местного мира, выяснилось, что они не очень ценили и понимали значение мира как звена государственного управления. Советы оказались неспособными нести сложные государственные функции и подчас стихийно превращались из органов непосредственного народовластия всего лишь в местный инструмент централизованной власти. Ленин писал: «Низкий культурный уровень делает то, что Советы, будучи по своей

программе органами управления через трудящихся, на самом деле являются органами управления для трудящихся через передовой слой пролетариата, но не через трудящиеся массы». «Отделы Советов превратились во многих местах в органы, сливающиеся постепенно с комиссариатами»²². Все это было естественным результатом догосударственной природы местных советов — этих вечевых локальных институтов, которые, попав под административную власть государства, были склонны либо не считаться с властью, либо адаптироваться к ней. *Пассивность миллионов, отсутствие интереса к защите своего голоса в большом обществе открывали государству зеленую улицу для насилия. Локальная соборность с легкостью переходит в опору государственного авторитаризма. Новая власть тем самым решила медиационную задачу, т. е. соединила уравнительное по своему содержанию массовое сознание и относительно устойчивую систему государственности, интегрирующую общество.*

Поражает способность сообществ советского типа в мгновение ока переходить от соборности к авторитаризму и обратно в моменты нравственных кризисов. Кризис соборного нравственного идеала привел к молниеносному амбивалентному инверсионному превращению соборных институтов в авторитарные, к согласию сообщества на авторитарную власть комиссара, вышестоящего начальника, нового тотема, знающего Правду. Этому повороту подвержены не только советы, но и старые кооперативы, массовые общественные организации независимо от их идеологической окраски. Например, анархист Н. Махно, не признававший никакого начальства и власти, провозглашавший лозунги безвластного советского строя, антигосударственного социализма в занятых его войсками населенных пунктах, «запрещал создавать какие бы то ни было органы власти, обязывая население признавать только его личную власть и власть назначаемых им комендантов, пользующихся полной свободой действий»²³. Крайняя соборность с легкостью переходит в авторитаризм.

Эта легкость, молниеносность перехода соборности в авторитаризм была возможна лишь при условии, если в стране развитие капитализма (поскольку оно имело место) не дошло до распространения массового менталитета частной инициативы, до формирования в ощутимых масштабах среднего класса — носителя частной инициативы. На пути поворота к

²² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36.

²³ Ермаков В. Д. Махновщина: некоторые социальные аспекты повстанческого движения крестьян Украины// Социологические исследования. 1991. № 3. С. 84.

авторитаризму не было не только линии обороны капитализма, но, более того, не было и линии обороны феодализма с его корпоративностью. Многомиллионная ударная сила локализма, вечевое идеала была по сути дофеодальной, направленной против феодальной иерархии и соответствующих форм власти и собственности. Она соглашалась лишь на подчинение сакральному центру-большаку и на экстраполяцию его в критической ситуации.

ВОЗВРАТ К КРЕПОСТНИЧЕСТВУ

Амбивалентный поворот советов к авторитаризму требовал нового решения медиационной задачи. Возникший авторитаризм носил умеренный характер, не доходил до крайних логически возможных форм. На уровне официальной идеологии эта непоследовательность выражалась, например, в противоречивости позиции Ленина по отношению к так называемым кулакам. Он выступал с яростными антикулацкими высказываниями, но одновременно пытался оградить тех, кого называл кулаками, от всеобщего погрома торжествующего локализма и уравнительности. Можно построить два ряда противоположных цитат как из высказываний Ленина, так и из других источников. Власть, чтобы найти общий язык с крестьянством, с силами, возможно, способными укрепить новые формы организации, обращалась с прямыми призывами к убийствам. Так, крестьянский отдел ВЦИК опубликовал обращение «Ко всему трудовому крестьянству и деревенской бедноте», в котором говорилось: «Арестовывайте и беспощадно истребляйте всех, кто подбивает вас на заговоры и выступления против советской власти»²⁴. На местах принимались такого рода резолюции: «Берегитесь! Настала пора уничтожить эксплуататоров. Да здравствует красный террор против врагов революции!» (постановление собрания бедноты Спасско-Никольской волости). Власть и народ синкретически слились в единое целое в своем стремлении истребить реальных, расхаживающих по улицам оборотней извечной кривды, принявших обличье кулаков, буржуев, заговорщиков и т. д. Ленин разжигал ненависть к кулаку: «Везде жадное, обожравшееся, зверское кулачество соединялось с помещиками и с капиталистами против рабочих и против бедноты вообще. Везде кулачье с неслыханной кровожадностью расправлялось с рабочим классом. Везде оно входило в союз с *иноземными капиталистами* против рабочих своей страны... Кулаки — бешеный враг Советской власти.

²⁴ Голос трудового крестьянства. 1918. 2 авг.

Либо кулаки перережут бесконечно много рабочих, либо рабочие беспощадно раздавят восстания кулацкого, грабительского меньшинства народа против власти трудящихся. Середины тут быть не может. Миру не бывать... Кулаки — самые зверские, самые грубые, самые дикие эксплуататоры...»²⁵. Ленин призывал к прямому их истреблению: «Беспощадная война против этих кулаков! Смерть им!»²⁶. 11 августа 1918 года он писал: «Повесить (непременно повесить, дабы народ видел) не меньше 100 заведомо кулаков, богатеев, кровопийц»²⁷. Он требовал «очистки земли российской от всяких вредных насекомых»²⁸ и т. д. Причины подобных призывов были те же, что и у Разина, когда его авторитет среди масс зависел от его способности совершить зверскую расправу с врагами, с их женами и детьми. Достаточно вспомнить, как до сих пор популярна песня, центральный эпизод которой — «и за борт ее бросает в набежавшую волну», и затем: «Что ж вы, братцы, приуныли?» В песне нет ужаса перед этим жестоким убийством, но есть недовольство окружения Разина его связью с княжной, что и толкает на убийство.

Открытый призыв к истреблению кулака (по подсчетам Ленина, кулацкие семьи составляли 2 миллиона из общего числа 15 миллионов земледельческих семей, т. е. немногим более 13%)²⁹ сочетался с иной, почти противоположной линией. «Богатого крестьянина не экспроприировать»³⁰. В замечаниях к проекту декрета об обложении сельских хозяев он пытается сузить понятие о кулаке: «1. Не все 2 миллиона кулаки. 2. Богатый крестьянин может быть очень зажиточным, но не кабалыщиком и прочее. 3. Капиталистов мы экспроприруем и конфискуем, — у богатого крестьянина — *НЕТ*»³¹. Ленин прямо говорит: «Экспроприация даже крупных крестьян никоим образом не может быть непосредственной задачей победившего пролетариата»³². Богатое крестьянство не было ликвидировано, но летом и осенью 1918 года две трети его земель при перераспределении попали в руки менее обеспеченных семей. К этому времени 95% сельскохозяйственной земли было в руках крестьян.

---

²⁵ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 37. С. 39-40.

²⁶ Там же. С. 41.

²⁷ См.: Известия. 1992. 21 апр.

²⁸ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 35. С. 204.

²⁹ Там же. Т. 37. С. 40.

³⁰ Там же. С. 40, 93.

³¹ Там же. С. 94.

³² Там же. Т. 41. С. 175.

Таким образом, выясняется на первый взгляд довольно странное обстоятельство. В своей интерпретации массовой инверсионной волны Ленин допускал определенную непоследовательность, двойственность, осторожность, т. е. следовал логике хромающих решений. Очевидно, он ощущал серьезную опасность в уравнительности, заключавшуюся прежде всего в том, что она наносила удар по хозяйству, подрывала экономические возможности общества. *Псевдосинкретизм был ориентирован не только на ценности массового сознания, но и на ценности роста и развития, на определенный вариант модернизации. Трагедия, однако, заключалась в том, что обе эти тенденции находились в состоянии раскола, т. е. они дезорганизовывали, подавляли друг друга.* Однако, чтобы это выявилось, требовалось время. Пока победа новой версии псевдосинкретизма проявлялась во всеобщем повороте к крепостничеству, которое стало буквально захлестывать общество. Обращает на себя внимание быстрота, с какой сельские миры, советы, кооперативы, промышленное производство, хозяйство и т. д. стали звеном крепостнической системы. *Военный коммунизм превратился в целостную систему всего за какие-нибудь несколько недель. Это не может быть объяснено только насилием, главное — массовый возврат к исторической традиции. Этот поворот открывал путь для решения медиационной проблемы на основе соединения уравнительных социальных отношений и массовых уравнительных ценностей.*

Возврату к крепостничеству не следует удивляться. Его природа вовсе не в насилии злодеев-эксплуататоров над беззащитными крестьянами, не в сфере политики, но в системе традиционных отношений, экстраполируемых на большое общество. «Крепостническая несвобода крестьян увековечивалась почти безысходной принадлежностью к своему сельскому словию и сельскому обществу»³³. *Экстраполяция субкультуры древнего сельского мира общины на большое общество неизбежно привела к распространению на все общество жесткой зависимости личности от целого.* В 1861 году реформа отменила лишь государственное крепостничество и крепостную зависимость от дворян, но не затронула и не могла затронуть крепостничество внутри общины. Следовательно, формирование новой государственности в условиях активизации архаичных сил неизбежно происходило на основе мощных выбросов крепостничества до самих вершин власти. Противостояние этому процессу посредством способности высшей власти интер-

³³ Рындыонский П. Г. Утверждение капитализма в России. 1850-1880 гг. М., 1978. С. 95.

претировать его на основе антикрепостнических идей имеет весьма ограниченные возможности. Та часть общества, которая во имя уравнительности согласилась пожертвовать локальной независимостью, личностным развитием, неизбежно воспроизводила общество по типу древней общины в ее авторитарной версии.

Напряженность псевдосинкретизма позволила использовать архаичное культурное наследие для жесткого подтягивания общества к высшей Правде, которая воплощалась в высшем руководстве, причем последнее закрепощалось в первую очередь. Каждый член правящей элиты был обязан беспрекословно подчиняться решениям партийных инстанций, отправляться в любое заданное место и заниматься любой порученной работой. Создавать свои группировки, фракции и защищать свое особое коллективное мнение запрещалось. Сложилась особая этика беспрекословного подчинения указаниям партии и самоотверженной работы чуть ли не по 24 часа в сутки во имя общего блага. Крепостническая зависимость этих людей была сильнее и уж во всяком случае требовала большего напряжения, чем это имело место у правящего слоя Московского государства. Закрепощение распространялось на весь партийный и государственный аппарат. Крепостничество охватило все общество. Никакое насилие, никакая даже самая могучая диктатура не могли бы дать такого эффекта.

Люди стремились к порядку в исторически известных им формах, к крепостничеству. Оно выступило прежде всего в форме принудительного труда. Эта идея жила с первых дней существования новой власти. «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа», принятая в январе 1918 года, содержала следующий пункт: «В целях уничтожения паразитических слоев общества и организации хозяйства вводится всеобщая трудовая повинность». Кодекс законов о труде, вышедший в конце 1918 года, предусматривал «обязательное привлечение к труду всех трудоспособных граждан». Всеобщая трудовая повинность и милитаризация труда были основой политики военного коммунизма, все слои населения обязаны были нести натуральные повинности, такие, как заготовка, погрузка топлива, борьба со снежными заносами, земляные работы и т. п. Обычным явлением были мобилизация специалистов, милитаризация предприятий и учреждений. В Москве и Петрограде были введены трудовые книжки в качестве средства обеспечения участия всего трудоспособного населения в

«производительном труде». Уклонившиеся от трудовой повинности подвергались «увольнению с лишением свободы»³⁴.

Всеобщая трудовая повинность «состояла в принудительном привлечении буржуазии и близких к ней элементов, а зачастую и крестьянства определенных областей, к выполнению необходимых работ — чаще всего очистки снега, заготовки дров, земляных работ, и т. п... „Трудовые книжки“ должны были служить орудием контроля... Что касается милитаризации труда, окончательно завершавшей трудповинность, то она состояла в прикреплении рабочих и служащих к их предприятию без права прекращения работы или свободного перехода на др. предприятия. Подобное передвижение должно было совершаться только по указаниям соответственных хозяйственных органов — в первую голову Главкомтруда, — органа, проводившего трудповинность и „ведавшего“ движением рабочей силы. Профсоюзы обязаны были активно помогать проведению указанной системы, вводить трудовую дисциплину, бороться с трудовым дезертирством и т. д.»³⁵. Любопытно, что труд рассматривался и как благо, и как средство избавления от всех пороков, и как наказание. Все население страны включалось в кооперативы. «Каждый гражданин обязан стать членом коммуны»³⁶. Различие между свободными и заключенными неуклонно размывалось.

Насилие рассматривалось как средство решения любых вопросов: декретом от 9 мая 1918 года предлагалось в недельный срок сдать все излишки хлеба, причем объявлялось, что выполнение декрета будет обеспечено применением вооруженной силы³⁷. Лично Лениным было подписано следующее постановление: «В кратчайший срок отобрать у гражданского населения, а также у всех служащих во всех советских учреждениях, с изъятием временно для военных целей все шинели»³⁸. Очевидно, что это сравнительно быстрое восстановление крепостничества требует многозвенного, многоэтапного анализа, который бы охватил важнейшие стороны этого сложнейшего процесса. Необходимо исследование того, как это архаическое явление сплеталось с модернизацией, усеченными элементами либерализма и т. д., т. е. с другим аспектом расколотого общества.

---

³⁴ Декреты СНК от 14 ноября 1919 года и от 27 апреля 1920 года.

³⁵ Айхенвальд А. Военный коммунизм // БСЭ. 1-е изд. М., 1928. Т. 12. Стб. 374-375.

³⁶ Декрет СНК «О потребительских коммунах» от 16 марта 1919 г.

³⁷ Известия. 1918. 14 мая.

³⁸ Там же. 1919. 10 окт.

ГДЕ БЫЛ ОСНОВНОЙ ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ КОНФЛИКТ?

Восстановление крепостничества было неотделимо от преодоления двойственности в развитии хозяйства: безусловная административная власть государства, его почти неограниченное право и способность принудительно перебрасывать ресурсы, но также определенное крайне суженное развитие частной инициативы, свободного рынка, конкуренции и т. д. Старое общество стало дискомфортным в результате несовместимости этих двух форм хозяйства, с одной стороны, в результате подавления мощными монополиями (включая государственную) ремесленников, артельщиков, мелкого бизнеса, но, с другой стороны, по прямо противоположной причине — из-за наступающего рынка, несущего угрозу уравнительности. В этой ситуации общество выбросило к вершинам власти людей, которые могли возглавить борьбу одновременно как против товарно-денежных отношений, так и против давления начальства, т. е. государства. Программа либерального развития, требующая наличия гражданского общества, частного предпринимательства, защитники которой твердили всякие непонятные слова, вроде того, что «аграрный вопрос должен быть решен законодательным путем», была отвергнута массовым сознанием, большинством населения. Социальный заказ последнего должна была выполнить новая власть. Дело не менялось от того, что заказ этот был утопичен: невозможно требовать одновременно ликвидации, существенного ограничения товарно-денежных отношений и ликвидации инструмента, способного это выполнить, т. е. государства.

Второй этап динамики общества после 1917 года отличался от первого тем, что теперь хаос локализма, междоусобицы привел к определенному признанию необходимости авторитета первого лица как нового тотема, к согласию на власть, способную восстановить некий порядок, удержать то, что было получено в результате торжества уравнительности. Этот поворот к авторитаризму уже содержал в себе определенный ответ на выбор пути хозяйственного развития — фактическое признание государства как орудия подавления товарно-денежных отношений, а на основе культа машины, возможно, и как орудия хозяйственного развития на доэкономической основе.

Эти архаично-модернизаторские представления получили у Ленина форму научной теории, точно так же как ранее тождество соборности и авторитаризма выступало у него как теория народовластия. *Идеал общества у Ленина сформировался на основе отождествления современной машинной индустрии, ее высших форм с общинным социализмом.* Парадокс, однако,

заклучался в том, что новые отрасли, т. е. прежде всего промышленность, развивались не на общинно-артельной основе, а в формах государственного, а также частного хозяйства. Здесь Ленин, как и во многих других случаях, «сдвигал шкаф», т. е. пытался «убрать» раскол между общинной и современной формой производства и перенести его на отношение рабочих и предпринимателей, бедных и богатых.

Большевики пришли к власти в условиях страшной разрухи и дезорганизации общества. Какими бы ни были их причины, очевидно, манихейская идеология не могла избежать соблазна рассматривать буржуазию, старую власть как их виновников. Это как раз и соответствовало антигосударственным и антивоенным представлениям массового сознания, его стремлению отождествить старую власть и буржуазию. Новая власть могла бы найти свое оправдание в глазах большинства, лишь если бы она оказалась способной прекратить этот плюралистический разлагающий хаос, восстановить синкретизм и, прежде всего, неразделенность экономики и власти. Новая государственность должна была преодолеть двойственность хозяйственных монополий, т. е. усилить их зависимость от государства и одновременно подавить их зависимость от рынка. Отсюда — стремление превратить всю хозяйственно значимую собственность в государственную. Новая власть отождествляла социализм именно с этой ситуацией.

Социализм, следовательно, трактовался как государственный, т. е. в конечном итоге как восстановление синкретического государства, и одновременно как общинный. Любопытно, что систему слияния монополий и государства называли «государственным социализмом» и «государственным капитализмом» не только большевики. Например, в старых журналах можно прочесть: «При принятой у нас системе государственного социализма наше государство в лице своего Правительства получило свое решительное влияние на развитие народнохозяйственной жизни страны»³⁹. «Правительство быстро идет к осуществлению государственного капитализма и все более и более будет ограничивать частную инициативу задержкой прилива частных капиталов»⁴⁰. «Казенный социализм», объявленный П. А. Столыпиным 9 ноября 1910 года, носит развращенный характер и «больше всего отражается на

---

³⁹ Занимать или сжимать?// Промышленность и торговля. СПб., 1909. № 11. С. 641; см. также: Выгодно ли быть русским промышленником?// Там же. № 20. С. 407.

⁴⁰ Казенная промышленность// Там же. 1913. № 20. С. 333.

спине русской фабрично-заводской промышленности»⁴¹. Однако эта политика, по мнению журнала, не ограничивалась Столыпиным. «Государственный социализм проходит красной нитью через всю русскую государственную систему последних 40-50 лет»⁴².

Очевидно, идея связи политики старой власти с идеями социализма и государственного капитализма витала в воздухе. Новая власть рассматривала свою задачу как преодоление двойственности этой политики старой власти, которая не только управляла хозяйством, но и начала в последние годы отступать перед капитализмом. Революционные партии сеяли иллюзии, что движущей силой конфликтов между социальными силами общества является частное предпринимательство. Постепенно, однако, стало очевидным, что движущей силой конфликта стал традиционализм. Он мог существовать под властью архаичного государства, но порождал дискордальные настроения в результате роста частной инициативы, под властью государственности, которая изменила традиционализму. Поэтому новое государство, опираясь на активизацию традиционализма, зародилось как попытка преодолеть этот конфликт, подавляя частную инициативу и возвращаясь к традиционной государственности, к ее монополии на хозяйственную деятельность. Это было возможно, так как в обществе оказались крайне слабыми промежуточные силы — ремесленники, массовое мелкое производство. Они подавлялись крупным производством, получившим государственное покровительство или прямо слившимся с государством. Это своеобразное манихейское развитие, постоянно вымывавшее и подавлявшее срединную культуру во всех видах, — трагическая особенность России. Л. Троцкий писал: «Где у нас в России мелкая буржуазия? Ее экономическая роль ничтожна. Русский капитализм с самого начала стал развиваться в своих высших централизованных формах»⁴³.

Именно описанное своеобразие хозяйственного развития России привело В. И. Ленина к выводу, что «социализм есть не что иное, как государственно-капиталистическая монополия, обращенная на пользу всего народа»⁴⁴. Ленин, однако, глубоко заблуждался, думая, что эта монополия носит капиталистический или государственно-капиталистический характер. *Это была государственная докапиталистическая монополия,*

⁴¹ Простые формулы// Промышленность и торговля. СПб., 1909. № 23. С. 566.

⁴² Что даст нам новая государственная роспись// Там же. № 20. С. 388.

⁴³ Троцкий Л. Д. Сочинения. М.; Л., 1925. Т. 3. С. 247.

⁴⁴ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 34. С. 192.

втянувшая в себя лишь техническую базу капитализма. Она имеет свою историю. Например, «для времени до середины XI-XII в. господствующей формой феодальной собственности была государственная»⁴⁵. *Ленин шел от капитализма к посткапиталистическому обществу, а от непоследовательного, противоречивого подчинения государству всей хозяйственной, политической жизни общества к последовательному, но осложненному попыткой использовать этот порядок для модернизации.* Он всеми силами обосновывал синкретическое по своей исторической сути слияние хозяйства и государства, диктатуры и народовластия, втягивание в государство всех независимых функций.

АРХАИЗИРОВАННОЕ ХОЗЯЙСТВО НА ГРАНИ КРАХА

В июне 1918 года был принят декрет о национализации крупных и частично средних предприятий всех основных отраслей промышленности. Местные советы часто стремились обобществить и мелкие предприятия для обеспечения удовлетворения локальных потребностей. Крупная промышленность перешла в руки государства к концу первого квартала 1919 года, средняя — к началу 1920 года.

Новая власть, которая провела массовую национализацию промышленности, выступала как авторитарная сила.

Ленин требовал национализации еще до прихода к власти. Он писал о крупных банках: мы берем их готовыми «у капитализма, причем нашей задачей является здесь лишь *отсечь то, что капиталистически уродует* этот превосходный аппарат»⁴⁶. Практика «отчуждения предприятий» началась сразу после прихода новой власти посредством «*красногвардейской атаки на капитал*». Ленин выдвинул идею о трех формах госкапитализма, посредством которых общество должно идти к социализму: хлебная монополия, подконтрольные предприниматели и использование государством буржуазной кооперации. Торжествовала доэкономическая по своей сути уравнительность. Например, в 1917 году оплата труда высококвалифицированного рабочего превышала заработок чернорабочего в 2,3 раза, в 1918 году — в 1,3, а в 1920 — в 1,04 раза⁴⁷. Товарно-денежные отношения подавлялись, создавалась система управ-

⁴⁵ Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма. М., 1972. С. 194.

⁴⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 307.

⁴⁷ Петраков Н. Я. Золотой червонец вчера и сегодня// Новый мир. 1987. № 8. С. 211.

ления хозяйством, получившая название *главкизм*, т. е. управление через главные управления. Все это органически вытекало из распространения крепостничества на промышленность, хозяйство вообще, требующего, чтобы каждый был «крепок» некоторой функции, а следовательно, и власти, обеспечивающей сохранение этого порядка. Общество постепенно превращалось в псевдосинкретическое, лишенное, как могло казаться, двойственности, непоследовательности прошлой государственности.

Аналогичная ситуация сложилась в сельском хозяйстве. Инверсионная волна, начавшаяся после краха крайнего авторитаризма XVIII века и приближающаяся к своему логическому концу, несла в себе активизацию уравнительности. Ленин сознательно ориентировался на этот процесс. Еще в 1908 году он писал, что социализм «состоит в уничтожении товарного хозяйства... Социализм несовместим с обменом»⁴⁸. Рынок, который был в значительной степени подорван разрухой, натурализацией всех отношений еще при старой государственности, добивался всеми возможными средствами. Дело облегчалось возрастанием удельного веса середняка. Изучение крестьянских бюджетов до войны показывало, что наиболее денежное хозяйство вели самые бедные, безлошадные крестьяне и наиболее богатые, т. е. имеющие более четырех голов рабочего скота. Именно эти группы уменьшились в результате избиения более зажиточных и передела земли. Разруха в стране, начавшаяся во время первой мировой войны, вызвала острую нехватку продовольствия, продуктов сельскохозяйственного производства, прежде всего для армии и городов. Реакция на эту кризисную ситуацию также оставалась в пределах стремления к уравнительности. Ленин, как и в отношении промышленности, пошел по пути преодоления унаследованной «двойственности крестьянства», т. е. создания условий для крестьянина как труженика и устранения всех возможностей, которые позволяют ему рождать из себя «мелкобуржуазную стихию». Здесь была полная аналогия с промышленностью, где социализм отождествлялся с ликвидацией двойственности монополий, т. е. с укреплением их подчиненности государству и освобождением от рынка, от стихийности развития. За исключением восстановления синкретической государственности и натурализации всех отношений в сельском хозяйстве, другие варианты ответа на этот вызов истории в той социальной обстановке не рассматривались.

---

⁴⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 127.

Вызов этот, действительно, был грозным. В городах назрела катастрофа. «Катастрофа перед нами, она подошла совсем, совсем, совсем близко... Либо — либо. Середины нет. Положение страны дошло до крайности»⁴⁹, — писал Ленин в мае 1918 года. Перелом не наступил и после сбора урожая, хотя в 1918 году он был выше среднего. «Народ опять голодает»⁵⁰. Люди, пришедшие к власти в центре и на местах, расценивали голод не как стимул для того, чтобы наладить экономические связи города и деревни, а как результат злобных и корыстных происков сельской буржуазии. Эта первобытная политическая экономия, заимствованная от людей, отвечающих на любое бедствие избиением оборотней, колдунов и т. д., привела к стихийному возникновению продразверстки, т. е. к принудительному изъятию у крестьян той части продовольствия, которая условно рассматривалась как излишек. Принудительное изъятие возникло на местах в отдельных районах и лишь затем превратилось в общегосударственную политику⁵¹. Например, в штабе Красной гвардии Выборгского района Петрограда в 1917 году был создан продовольственный отдел, который изыскивал продовольствие «путем захвата по запискам штаба у перепуганных лавочников»⁵². Инициатива снизу была подхвачена правящей элитой.

Продразверстка не является чисто советским изобретением. Еще при царе Борисе в борьбе с голодом разрешалось посадским общинам реквизировать хлеб. В расколотом обществе, где возрастали масштабы принудительной циркуляции ресурсов, где развитие товарно-денежных механизмов обмена ресурсами постоянно, хотя и в разных масштабах, отставало от потребностей усложняющегося целого, продразверстка, натуральный налог были чем-то естественным, постоянным. Сбои в этой системе несли в себе угрозу прежде всего городам, а в конечном итоге всему обществу. В книге, выпущенной по случаю пятидесятилетия реформ Александра II, А. Пешехонов писал: «До сих пор удержался такой порядок: немедленно вслед за уборкой урожая начинается усиленное взыскание с крестьян долгов, податей и недоимок. Все, и власть в том чис-

⁴⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 359, 360.

⁵⁰ Там же. Т. 37. С. 382.

⁵¹ Стрижков Ю. Из истории введения продовольственной разверстки // Исторические записки. 1968. № 71.

⁵² Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде: Воспоминания активных участников революции. Л., 1956. С. 325—326.

ле, несомненно, боялись и боятся, что крестьяне сами съедят все, что они добыли»⁵³.

Угроза голода всегда вызывала стремление высшей власти установить контроль за продовольствием в стране. В этой связи интересны следующие строки А. Половцова, относящиеся к 1891 году: «Хлеб, нужный для прокормления нашего заводского населения, купленный нами в Томской губернии... задержан в Тюмени вследствие распоряжения министра внутренних дел о том, чтобы из Тобольской губернии запретить вывоз хлеба». После того как министр отменяет это решение, автор пишет: «Подобные распоряжения являются выражением нормального хода управления!» — т. е. налицо типичные хромающие решения. Обер-прокурор Синода К. Победоносцев настаивал на том, что «единственным средством выйти из теперешних затруднений представляется назначение правительством цены на хлеб и реквизиция хлеба по этой цене у всякого, кто имеет хлебные запасы»⁵⁴.

В августе 1915 года было учреждено Особое совещание по продовольствию, имевшее широкие, почти диктаторские полномочия в центре и в губерниях. Заготовка продовольствия для населения перешла к правительству. Правительство забирало почти полностью все товарное зерно, уничтожив тем самым свободный рынок хлеба. Эти заготовки включали частичные реквизиции. В конце 1916 года было принято решение о принудительной хлебной разверстке, его осуществлению помешало падение государственности. Эта политика продолжалась и Временным правительством. В марте 1917 года был издан закон о хлебной монополии, который Ленин рассматривал как демократический. Владельцу хлеба оставлялся минимум, остальное должно было передаваться в распоряжение государства. Общество стихийно искало выход, подсказывая возможные варианты государственной политики. При власти Временного правительства вопреки его воле многие местные продорганы по собственной инициативе заготавливали хлеб, обменивая его на промышленные товары⁵⁵. Теперь советское руководство пыталось поднять эту доэкономическую инициативу до уровня принципиальной общегосударственной политики.

---

⁵³ Пешехонов А. В. Экономическое положение крестьян в пореформенное время // Великая реформа. Т. 6. С. 225.

⁵⁴ Дневник государственного секретаря А. А. Половцова. М., 1966. Т. 2. С. 389.

⁵⁵ Волобуев П. В. Экономическая политика Временного правительства. М., 1962. С. 441.

У А. Солженицына есть описание заседания Государственной Думы от 14 февраля 1917 года в книге «Март семнадцатого»: «От первых же затруднений с хлебом начались по отношению к сельскому хозяйству такие репрессии, которых промышленность никогда не испытывала: реквизиции по ценам подчас ниже себестоимости. И вот, сперва перестали торговать. Но ужас пошел дальше: перестают *сеять*. И у города и у правительства мысли не было, что деревня может когда-нибудь оказаться не в состоянии *дать*, разверстку надо выполнять силой власти... Там, где, может, разверстка была слишком легка, а вот Тамбовская никогда не вывозила больше 17 миллионов пудов, а на нее наложили 28, и — придется сдавать с десятины по 30 пудов, а в Воронежской по 40...» Из всего этого вытекает, что введение продразверстки советским правительством, по сути дела, было всего лишь продолжением политики прошлых правительств, которая, однако, теперь осуществлялась более последовательно, без компромиссов и колебаний в сторону рынка.

Советское правительство, так же как и в других сферах, пыталось решить продовольственную проблему, последовательно продолжая синкретическую линию в политике и полностью отбрасывая либеральный аспект. В мае 1918 года были изданы два декрета, вводившие государственную монополию хлебной торговли, «продовольственную диктатуру», запрещавшие частную торговлю и требовавшие изъятия излишков хлеба прежде всего у так называемых кулаков. Все, кто не сдавал излишки хлеба государству, кто расходовал хлеб на самогон, *объявлялись врагами народа*.

На местах вспыхнула ожесточенная борьба с тем, что получило название «мешочничества». Фактически мешочничество было стремлением наладить обычное рыночное перемещение хлеба к потребителю или, чаще, доставку его с рынка к месту потребления, сохранить элементы товарно-денежных отношений, возможность неконтролируемого властью натурального обмена. Попытка силой воспрепятствовать этому процессу была проявлением стремления к натурализации отношений. С мест сообщалось: «Мешочники едут массами и разоружают охрану» (Казань). Местные власти говорили о жутком мешочничестве. Наталкиваясь на насилие и на расстройство рынка, крестьяне припрятывали хлеб «до лучших времен». Положение ухудшилось к концу 1918 года, несмотря на урожай, так как значительная часть заградительных отрядов была отправлена на фронт. Подвоз хлеба в промышленные центры резко сократился, запасы в городах иссякли.

Среднее звено власти, состоявшее из энтузиастов уравнительности и исходившее из идеала «общества-общины-машин», призывало к ужесточению административно-авторитарных мер. Усиливались требования применения крайних средств к тем, у кого были «излишки». Чисто перераспределительная логика умеренного утилитаризма — «взять все и поделить» — взяла верх над всеми иными соображениями. На рубеже 1918 и 1919 годов проходило совещание продовольственных органов, которое рекомендовало крестьянам сдавать излишки. В январе 1919 года был издан декрет, по которому все излишки зерновых и других культур подлежали «отчуждению». Высшая власть становилась полномочным распределителем ценностей, подобно главе патриархального семейства. Однако теперь эта сила вторгалась во все ячейки социальных отношений. Объектом авторитарного перераспределения оказалась в первую очередь продовольствие. Высшая власть захватила право определять потребности каждого хозяйства: «Ни один пуд хлеба, который не надобен хозяйству крестьянина, не надобен для поддержания его семьи и скота, не надобен ему для посева... всякий лишний пуд хлеба должен отбираться в руки государства. Как это сделать? Надо, чтобы были установлены цены государством, надо, чтобы каждый лишний пуд хлеба был найден и привезен», — писал Ленин.

Общепризнано, что понятие «излишек» не имело ясного смысла. Изъятие производилось, как писал нарком по продовольственным делам А. Г. Шлихтер, «исходя из соображения потребностей в хлебе для республики, а не наличных излишков»⁵⁶. Ленин признавал, что брали «необходимое крестьянину»⁵⁷. При получении продразверстки насилие применялось в самых широких масштабах: «Без оружия заготовка хлеба совершенно невозможна» (А. Л. Литвин, 1919). «Острая государственная необходимость заставляла отбирать у крестьянина последний хлеб...»⁵⁸. Конфискация, реквизиция, облавы стали повседневностью. По выражению Ленина, начался крестовый поход за хлебом. Авторитаризм и крепостничество шли вперед, сметая все преграды.

Постепенно система продразверстки стабилизировалась. К середине 1919 года количество принудительных изъятий уменьшилось. Крестьяне сдавали продукцию. Объем полученного государством хлеба возрастал даже несмотря на неурожай 1920 года. Очевидно, важную роль здесь сыграл страх перед

⁵⁶ Шлихтер А. Г. Аграрный вопрос и продовольственная политика в первые годы Советской власти. М., 1975. С. 417.

⁵⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 150.

⁵⁸ Дубровский С. М. Очерки русской революции. М., 1923. Вып. 1. С. 223.

поражением советской власти в гражданской войне, что грозило возвратом захваченных земель. Еще в 1881 году А. Энгельгардт писал о крестьянах: «И платить готовы, и начальство, и самоуправление терпеть и ублажать готовы, только бы землицы прибавили...»⁵⁹. Власть усиливала авторитарный режим. В 1920 году продразверстка была распространена буквально на все виды продукции. Любопытно, что высший этап продразверстки, декрет о национализации мелкой промышленности, максимальная милитаризация попали на период, который совпадал вовсе не с разгаром гражданской войны, но, наоборот, с периодом, когда гражданская война фактически уже заканчивалась, а в целом в стране уже не было крупных военных действий, т.е. с весны 1920 года до зимы 1920-1921 годов. *Это опровергает попытки истолковать военный коммунизм как непосредственный результат трудностей военного времени. Дело намного сложнее. Военный коммунизм органически соответствовал авторитарной версии псевдосинкретизма.* Он был неотъемлемым элементом динамики как нового общества, так и его идеологии. Очевидно, что в сложившейся ситуации люди с различным мировоззрением вынуждены были бы действовать сходным образом, так как вся исторически сложившаяся система была пронизана внутренней необходимостью принудительной циркуляции ресурсов.

Система, получившая затем название «военный коммунизм», достигла высшей точки своего развития на рубеже 1920 и 1921 годов. Как впоследствии признал Ленин, она предполагала «без достаточного расчета — непосредственными велениями пролетарского государства наладить государственное производство и государственное распределение продуктов по-коммунистически в мелкокрестьянской стране»⁶⁰. Ленин в то время применял слово «коммунистический» к учету каждого фунта хлеба, к правильному распределению хлеба, топлива, увеличению добычи угля и т. п.⁶¹ Получила широкое распространение точка зрения, что общество военного коммунизма и есть непосредственно коммунистическое. Воплотилась в жизнь утопия доведенной до абсурда полнейшей нефункциональности.

Постепенно, однако, выявилась слабость нового порядка, его массовой и идеологической версий, их утопизм. «Россия вконец разорена». Налицо «оскудение страны»⁶². Раскол не был ликвидирован и приобретал зловещие, угрожающие фор-

⁵⁹ Энгельгардт А. Н. Из деревни. М., 1987. С. 531-532.

⁶⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 151.

⁶¹ См.: там же. Т. 36. С. 362, 368, 403.

⁶² Троцкий Л. Д. Что нужно сделать крестьянам, чтобы вывести хозяйство из разорения. М., 1920. С. 5.

мы. Важнейшая из них заключалась в том, что новое общество базировалось на двух взаимоисключающих, взаимоуничтожающих принципах. С одной стороны, оно основывалось на уравнительности, т. е. на «справедливом» распределении уже готового. Такой порядок был естествен в условиях абсолютного господства традиционализма, когда производство, его эффективность, масса производимой продукции были естественным стереотипом. С другой стороны, новое общество опиралось на стремление повышать потребление, увеличивать количество материальных благ, т. е. в господствующей культуре, образе жизни существовал динамичный, хотя и крайне односторонний элемент. Он определялся неуклонным ростом утилитаризма, который начался еще в древности. Это стремление, в свою очередь, стимулировало модернизаторские ценности правящего слоя, который под этим давлением склонялся к идеологии роста и развития. Несовместимость этих двух принципов, взрывоопасность их столкновения достаточно очевидны. Каждый шаг укрепления уравнительности создавал предпосылки для укрепления авторитаризма, тогда как рост и развитие требовали преодоления уравнительности. Новое общество при своем возникновении опиралось на заманчивую и простую идею, что беднякам плохо, так как богатые все забирают себе. Поэтому все проблемы сводились к необходимости выгрести все из амбара соседа. Так действовали сами крестьяне, так действовало государство по отношению к крестьянам. *Высшая Правда-истина*, которая только что выступала как рецепт достижения земного рая, *предстала как идеал уравнительности, сползающий к уровню идеала грабителей.*

Система умеренного авторитаризма не сумела найти рациональный подход к производству ни в городе, ни в деревне. Она не могла не только восстановить производство, но даже приостановить его развал. По словам народного комиссара финансов Г. Я. Сокольников на XI съезде РКП (б), в 1922 году большая часть промышленности, организовавшейся в тресты, жила на иждивении государства. Неспособность решать медиационную задачу выступала как конфликт между городом и деревней. Идеалы города и деревни расходились. Массы городского населения также не расстались с идеалом локализма.

Наметилось принципиальное расхождение между крестьянскими идеалами и второй версией псевдосинкретизма. Попытка решить медиационную задачу толкала власть к максимальной концентрации ресурсов в своих руках, чтобы постоянно затыкать ими дыры, снабжать города, армию и т. д. Крестьянство же осмысляло эту деятельность не только как грабительство, но, более того, как разрушение исторического уклада

жизни, в который входило также ограниченное участие в торговле продуктами собственного труда. Это участие носило в своей массе докапиталистический характер, так как не включало рынок капитала и рабочей силы. Разумеется, развитие торговли содержало в себе возможность движения в сторону капитализма. Тем не менее в массе своей крестьянство еще было далеко от капитализма, и всякие поползновения в этом направлении беспощадно подавлялись самими крестьянами, не только соседями, но и теми, кто поступал на службу новому государству, вступал в партию. Крестьянство, подавив в своей среде возможность выделения наиболее активных элементов, ослабило свою способность борьбы против продразверстки.

Расколотое и неорганизованное крестьянство, неспособное противостоять прямому изъятию, постоянно искало обходные пути борьбы с продразверсткой. Лучшим средством было уменьшение производства. Правящая элита, постоянно решая повседневные задачи, кажется, не слишком обращала внимание на то, что, хотя заготовки продовольствия из года в год росли, производство катастрофически падало. Об экономических «успехах» военного коммунизма говорит, например, тот факт, что сбор хлеба в 1921 году составил 40,2% от довоенного, а объем промышленного производства — 25,4%. Продолжалось уменьшение посевных площадей, начавшееся еще при старой власти. Ухудшалась обработка земли, снижалась урожайность, уменьшалось поголовье скота и т. д. *Авторитарная система разрушала крестьянское хозяйство.* Крестьяне пытались обойти продразверстку, заменяя одни культуры другими, увеличивая посевы тех, которые не подлежали продразверстке, или тех, которые легче было уберечь от нее, например, гречихи. Увеличились посевы вики и трав. Однако с каждым годом рос список продуктов, подлежащих продразверстке. Крестьяне все больше сокращали производство, стремясь лишь обеспечить себя. Нарастала столь желаемая натурализация, но это ставило общество на край катастрофы. В 1921—1922 годах разразился страшный голод, который местами продолжался до 1923 и 1924 года. В конечном итоге Ленин признал: «Разверстка в деревне, этот непосредственный коммунистический подход к задачам строительства в городе, мешала подъему производительных сил и оказалась основной причиной глубокого экономического и политического кризиса, на который мы натолкнулись весной 1921 года»⁶³. Жизнь ускользала из-под власти партии и государства. Практически сложившийся порядок разрушал производство, что ставило под угрозу способность

⁶³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 159.

общества решать медиационную задачу. Он вступил в открытую конфронтацию не только с развитым, но и умеренным утилитаризмом основной массы населения, что само по себе грозило катастрофой. В стране росло массовое недовольство.

Произведения А. Платонова и других советских писателей двадцатых годов свидетельствуют, что традиционное двойственное отношение к власти оставалось в силе. Это означало, что продолжала существовать древняя культурная форма оценки власти как силы зла. Усилилось недовольство среди рабочих. По-видимому, влияние меньшевиков и эсеров оставалось ощутимым. Численность фабрично-заводского пролетариата уменьшилась наполовину. Усилился отток рабочих из города. Среди них росло недовольство. Само наступление авторитаризма встречало сопротивление. Профсоюзный деятель С. Лозовский отмечал, что во многих местах возник лозунг «раскрепощения» рабочих⁶⁴. Ленин признал «брожение и недовольство среди беспартийных рабочих»⁶⁵. В феврале 1921 года волна забастовок и демонстраций охватила Петроград. Однако особенно серьезен был рост недовольства в деревне. Запрещение торговли привело к тому, что все места заключения были переполнены крестьянами, которые сидели за «спекуляцию». Так называемые «кулаки» едва ли составляли среди них 1 %. Крестьянские восстания до 1921 года «представляли общее явление»⁶⁶. В 1921 году разразилось кронштадтское восстание, требовавшее советов без коммунистов. Брожение, охватившее массы, затронуло и партию.

Симптом банкротства второй версии псевдосинкретизма можно было видеть в том, что люди могли обеспечить свое существование, лишь постоянно нарушая распоряжения власти. «С продуктами становилось все хуже и хуже. Цены росли ежечасно... По карточкам выдавался только хлеб, да и тот нерегулярно. В среднем на человека доставалось 25 граммов в день»⁶⁷. Люди обращались к запрещенному нелегальному рынку. В 1918 году к покупке на рынке прибегало 85%, а в 1919 — 75% населения. Ленин признавал, что половину хлеба рабочий покупает нелегально, т. е. вопреки политике правящей элиты. А. С. Изгоев писал в 1918 году: «Если социалистические опыты не привели миллионы русских людей к катастрофической смерти от голода, то мы должны благодарить за это мешочников, с опасностью для жизни кормивших свои

⁶⁴ Десятый съезд РКП(б). Март 1921 года: Стенографический отчет. М., 1963. С. 291.

⁶⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 31.

⁶⁶ Там же. Т. 45. С. 285.

⁶⁷ От Москвы до Берлина в 1920 году.

семьи и поддерживавших обмен продуктов, в то время как социалистическая власть делала все для его прекращения»⁶⁸. То же самое оказалось справедливо и для этапа умеренного авторитаризма. Жизнь уходила из системы, грозя ей крахом государственности, полным уничтожением, повторением Смутного времени, которое было реакцией общества на авторитаризм.

НУЖНА СПАСИТЕЛЬНАЯ КРИТИКА

Новое общество вступило на путь синкретической государственности, крепостничества, оттесняя, разрушая ограниченные достижения либерализма, либеральных реформ и свобод, товарно-денежных отношений. Исторический опыт военного коммунизма раскрыл важную тайну истории страны. Реальный уровень товарно-денежных отношений является не только результатом спонтанных почвенных процессов, получивших санкцию массовой культуры, но и одновременно результатом вынужденной ненавистной необходимости работать на продажу, что в значительной степени инспирировалось обязательностью платежей государству. Отсюда массовая попытка снижения товарности производства при возникновении любой возможности. Без понимания этого нельзя понять механизмы крестьянских движений, таких явлений, как Великая смута, массовая активизация общины, и, наконец, нельзя понять существо военного коммунизма. Его крах был вызван тем, что господство инверсионных методов привело к перехлесту этого стремления, т. е. к попытке полной ликвидации товарно-денежных отношений в масштабах, подавляющих потребности крестьян, прежде всего в торговле излишками личного труда.

На мощной волне синкретизма, локализма общество пыталось преодолеть двойственность ранее сложившегося порядка, отказавшись от механизмов товарно-денежных отношений и делая ставку на авторитарные хозяйственные формы. Последние в соответствии с принципами синкретического общества можно включить в систему принудительного перераспределения ресурсов и одновременно ликвидировать все независимые центры перераспределения ресурсов, не учитывая, основаны ли они на товарно-денежных отношениях или на элементарном обмене натуральных вещей. При этом, однако, выявилось, что господство древних ценностей несовместимо с ростом и развитием, с растущими утилитарными ценностями, с ростом

⁶⁸ *Изгоев С. А. Социализм, культура и большевизм// Из глубины. М., 1989. С. 172.*

производства, даже с сохранением его на достигнутом уровне. Тайна, раскрытая на втором этапе, заключалась в том, что новая власть получала мощную поддержку в результате массового стремления снизу уничтожить раскол посредством избиения оборотней зла, в качестве которых последовательно или сразу выступали разные слои, социальные группы, меньшинства — от власти, духовенства, интеллигенции до непосредственно той части почвы, которая отходила, или казалось, что могла отойти, от уравнительности, традиционализма в целом. Опираясь на эту мощную волну, новая власть возглавила процесс закрепощения, борьбу за общество-общину, хотя и не всегда последовательно, испытывая подчас недоумение, колебания по поводу происходящего, подготавливая тем самым иные возможности. Все это привело в конечном итоге к новой форме нарушения социокультурного закона, новой форме подрыва возможности решать медиационную задачу: к росту социокультурного противоречия между социальными отношениями авторитарного типа и потребностью общества в росте, сохранении сложившегося уровня производства благ, между социальными отношениями большого общества и локальных миров, между субкультурами локальных миров и их интерпретацией на государственном уровне, между аспектами воспроизводственного процесса общества на всех уровнях.

Иначе говоря, выявилось, что *авторитарное давление, доведенное до крайних форм, подавило реальный воспроизводственный процесс и привело к возрастающей дезорганизации, распаду общества, что требовало критики господствующего нравственного идеала*, поиска новой версии псевдосинкретизма, которая сумела бы найти альтернативу, иной эффективный путь интеграции общества, требовало от общества выдвинуть соответствующего субъекта, способного поднять уровень критики истории.